

© 2001 г., ЭО, № 4

В.И. Козлов

**ОБ АКАДЕМИКЕ
ЮЛИАНЕ ВЛАДИМИРОВИЧЕ БРОМЛЕЕ –
УЧЕНОМ И ЧЕЛОВЕКЕ**

Доктор исторических наук, профессор по специальности «Этнография», действительный член Академии наук СССР Юлиан Владимирович Бромлей, в течение 23 лет успешно руководивший Институтом этнографии АН СССР, – личность далеко не ординарная, заслуживающая более подробной характеристики, чем приводимая ниже главным образом по личным воспоминаниям и впечатлениям. Впрочем, людей, которые могли бы написать о нем более обстоятельно, я не знаю. Настоящих друзей, насколько мне известно, у него не было, а я находился с ним в довольно тесных товарищеских отношениях. Вскоре после знакомства мы как бывшие фронтовики перешли на «ты», хотя я ради сохранения должностной этики всегда звал его по имени-отчеству. Мы совместно работали над рядом статей по теоретическим вопросам этнографии, не раз были вместе в зарубежных командировках и т.д. Но начну по порядку.

Родословная Ю.В. Бромлея, появившегося на свет 21 февраля 1921 г., могла бы заинтересовать профессионального писателя. Родиной семьи Бромлеев была Англия, а история российских Бромлеев пошла от англичанина, переселенца во Францию, участвовавшего в знаменитом походе Наполеона на Москву. Во время зимнего отступления, точнее – бегства, он был легко ранен и нашел приют у какой-то богатой латгальской вдовы. Она родила ему четырех сыновей и тем самым привязала к новому месту жительства. Ю.В. Бромлей рассказывал о довольно удачной торгово-промышленной деятельности семьи Бромлеев. Один из его прадедов построил в Москве известный чугунолитейный завод (позднее – машиностроительный завод «Красный пролетарий»). Однако дед Ю.В. Бромлея, «к счастью», как говорил Юлиан Владимирович, разорился на поставках в годы первой мировой войны и потому не подвергся репрессиям после захвата в 1917 г. власти большевиками-ленинцами. Мать Ю.В. Бромлея работала секретарем-машинисткой в Наркомате иностранных дел и в Академии наук, а затем преподавательницей английского языка в Московском госу-

дарственном университете, где у нее завязался роман с известным историком древнего мира проф. В.С. Сергеевым. В результате этой незарегистрированной связи и появился на свет будущий академик. Полагаю, эти факты, как и особенности его личной (семейной) жизни, оказали немаловажное влияние на творческую деятельность и мировоззрение ученого.

Осенью 1939 г. Ю.В. Бромлей после окончания средней школы сдал экзамены на физический факультет МГУ, но в ноябре того же года был призван в ряды Красной Армии, где окончил полковую школу и получил звание сержанта. О своей армейской службе Юлиан Владимирович говорил мало и неохотно. Мне запомнился только его рассказ о том, как осенью 1941 г., находясь на прифронтовом аэродроме, он попал под сильную бомбежку и был накрыт сорванной крышей ангара. В его служебной анкете упоминалось лишь о службе в составе Брянского и 2-го Прибалтийского фронтов и демобилизации в ноябре 1945 г. в звании старшего сержанта с медалями «За взятие Берлина» и «За победу в Великой Отечественной войне». (В юбилейном 1990 г. к этому добавился еще Орден Отечественной войны II степени.) На институтской доске участников войны наши с ним фотографии как старших сержантов были помещены рядом. Чувствовалось, что воспоминания об армейской жизни его тяготили. Я и сам старался забыть страшные и грязные фронтовые будни, а потому с расспросами к нему не приставал. Не узнал я и о том, почему, находясь в армии с 1939 г., Ю.В. Бромлей не поднялся в звании выше старшего сержанта и лишь в 1944 г. вступил в ряды КПСС. Возможно, это было связано с его происхождением.

После демобилизации Ю.В. Бромлей восстановился в МГУ, но уже на историческом факультете. Учился он, по рассказам сокурсников, хорошо, специализировался по средневековой истории южных славян и по окончании университета в 1950 г. был принят на работу в Институт славяноведения АН СССР. Здесь он проработал два года, а затем был переведен на должность ученого секретаря по координации Отделения истории АН СССР; в 1958 г. стал ученым секретарем этого отделения. Свою научно-организационную работу Ю.В. Бромлей сочетал с научно-творческой. В 1956 г., когда у него уже имелось около 20 печатных работ, он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, а затем опубликовал ее в виде монографии («Крестьянское восстание в Хорватии 1573 г. Из истории аграрных отношений и классовой борьбы в Хорватии XVI в.» М., 1959). В 1963 г. появилась еще одна его монография «Становление феодализма в Хорватии. К изучению процессов классовобразования у славян», которая в 1965 г. была защищена им в качестве докторской диссертации. Ю.В. Бромлей своей добросовестной и умелой работой в Отделении истории заслужил уважение большинства входивших в него ученых, в том числе академика-секретаря Е.М. Жукова. В самом начале 1966 г., когда директор Института этнографии член-корр. АН СССР С.П. Толстов подал в отставку в связи с болезнью, на его место был назначен недавно получивший диплом доктора наук Ю.В. Бромлей. В том же 1966 г. его избрали членом-корреспондентом АН СССР. Такой научной и административной карьере многие удивлялись.

Здесь я должен прервать свое повествование о жизненном пути Ю.В. Бромлея и хотя бы кратко напомнить об общественно-политической ситуации тех лет в стране и о положении в этнографической науке.

Общественно-политическая ситуация в стране была очень сложной. Хрущевская «оттепель» стала прерываться «заморозками», а после отстранения в октябре 1964 г. Н.С. Хрущева от руководства партией и страной и утверждения на его месте Л.И. Брежнева обнаружилась явная тенденция к реабилитации И.В. Сталина и прежних методов руководства – прежде всего борьбы против инакомыслия. В начале 1966 г. состоялся открытый судебный процесс над писателями А. Синявским и Ю. Даниэлем, публиковавшими свои произведения за границей. За ним последовали суды над группами диссидентов, преимущественно выходцами из среды интеллигенции, выступавшими за претворение в жизнь прав человека, утвержденных резолюцией ООН. Диссидентов осуждали на длительные сроки и отправляли в тюрьмы и лагеря,

помещали в закрытые психиатрические больницы, лишали советского гражданства и высылали за рубеж. Преследованиям подвергались и те, кто подписывал письма в различные инстанции с просьбами о смягчении наказания или помиловании арестованных диссидентов: таких «подписантов» обсуждали и осуждали на партийных и профсоюзных собраниях и обычно увольняли с работы.

Не знаю, как бы повел себя в такой обстановке бывший директор Института этнографии С.П. Толстов, запомнившийся мне, несмотря на его несомненные научные заслуги (особенно по исследованию археологии Средней Азии), главным образом, как убежденный сталинист. Предполагать не буду, тем более что я и сам, по правде говоря, подписался под одним прошением. Что касается Ю.В. Бромлея, то он, будучи директором Института, проявил демократичность, не стал прислуживать режиму и тем более развивать его негативные тенденции. И когда, например, из спецорганов в институт пришел материал на активную «подписантку» Н.Н. Садомскую, он не форсировал развитие событий и оттягивал проведение обсуждения ее на общепрофессиональном собрании до тех пор, пока острота положения не сгладилась, и Садомская могла довольно спокойно эмигрировать с мужем в США. Уместно отметить, что Ю.В. Бромлей не раз «пробивал» выезд в зарубежные командировки беспартийных сотрудников.

Что касается собственно этнографической науки, то обстановка в ней была более спокойной, чем, скажем, в истории или философии (историческом материализме). Постсталинские политико-идеологические пертурбации отразились на этнографии гораздо слабее. К середине 1950-х годов в основном завершился начатый в послевоенные годы процесс комплектования научных кадров Института этнографии, сформировались региональные сектора и развернулась работа над многотомной серией «Народы мира». Этнография избавилась от статуса «вспомогательной» исторической дисциплины, изучающей отставшие в своем развитии общества и культурно-бытовые пережитки у развитых народов. В томах «Народы мира» давалась полноценная этнографическая характеристика. Первым вышел том «Народы Африки», затем «Народы Австралии и Океании», два полутома «Народы Америки» и др. Развернулась работа по составлению этнографических и этнических карт. В 1961 г. была опубликована уникальная карта народов мира в масштабе 1:15 млн. км, на которой показывались и этнический состав, и плотность населения. В 1964 г. вышел оригинальный «Атлас народов мира» с пояснительным текстом и статистическими таблицами (к сожалению, он с тех пор не переиздавался).

Среди значительных дискуссий тех лет мне запомнилось обсуждение фундаментального труда нашего крупнейшего этнографа проф. С.А. Токарева «Этнография народов СССР» (МГУ, 1958). Уважаемого автора ругали за архаику, «объективизм», а также отсутствие каких-то якобы необходимых ссылок на работы классиков марксизма-ленинизма. Кстати сказать, при Ю.В. Бромлее подобных «экзекуций» ни разу не проводилось.

Не хотелось бы превращать данную статью в некролог, где принято писать только о хороших качествах человека. Потому должен сказать, что при назначении директором Института этнографии АН СССР Ю.В. Бромлею явно не хватало этнографических знаний и он слабо знал проблематику этнографической науки, а о физической антропологии вообще имел довольно смутное представление, т.е. Ю.В. Бромлей подходил на типичного «назначенца» того времени. Однако, обладая высокой работоспособностью и недюжинным талантом в усвоении знаний, он стал быстро ликвидировать свое отставание, чуть ли не ежедневно проглядывая и прочитывая книги и статьи по этнографической тематике. Помнится, у него в кабинете постоянно лежала полученная из библиотеки стопка книг и журналов, которые он читал после работы. Для лучшего усвоения этнографического материала и проверки возникавших при этом идей Ю.В. Бромлей прибегал к беседам с достаточно эрудированными, по его мнению, сотрудниками института. Для того чтобы сохранить при этом свое реноме, он избегал, как я понимаю, тесного общения с такими мэтрами этнографии, как С.А. Токарев и Н.Н. Чебоксаров, на фоне которых он выглядел бы «учеником», а также с талант-

ливой молодежи, к которой относился, например, С.А. Арутюнов. Юлиан Владимирович предпочитал сотрудников, близких ему по возрасту и мировоззрению. Не помню сейчас, как это произошло, но частым собеседником Ю.В. Бромлей был и я, а результатом наших бесед стало неоднократное соавторство, начавшееся в 1970 г. со статьи «Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР» («Сов. этнография». 1970. № 1). Уместно отметить, что опору на ленинизм в борьбе со сталинизмом приходилось не раз использовать и в других работах. Если одной иконой бить по другой, как считали мы, легче стать «атеистом».

Виды соавторства, по словам И. Ильфа и Е. Петрова, бывают самыми разными. Я уже имел до Ю.В. Бромлей довольно неприятный опыт соавторства с моим непосредственным начальником С.И. Бруком, который иногда сводил свое участие к небольшим «редакционным» поправкам. Поэтому я был приятно удивлен стилем соавторства Ю.В. Бромлей, старавшегося работать «на равных». Вначале мы обсуждали общий план статьи или главы в коллективном труде, затем один из нас, чаще всего я, набрасывал первый вариант, а другой его дорабатывал, после чего мы обсуждали и правили окончательный вариант и отдавали его в редакцию. Таким образом, нами было написано более 10 научных работ, большей частью по теории или методологии этнографических исследований. Выше уже говорилось о том, что, несмотря на установившиеся товарищеские отношения, я старался придерживаться должностной этики, но при этом сразу же оговорил себе право на изложение собственного мнения, игнорирование которого без достаточных аргументов ведет к прекращению соавторства. Правом на собственное мнение я пользовался и при обсуждении различных проблем на Ученом совете института или на других открытых заседаниях. Впрочем, Ю.В. Бромлей достаточно демократично относился почти ко всем своим оппонентам.

Английский ученый и общественный деятель Д. Бернал, пытаясь дать определение науки, написал просто в своей фундаментальной монографии «Наука в истории общества» (М., 1956), что это то, чем занимаются ученые. Сказано в общем правильно, но при этом возникает вопрос: кто или что такое ученый? По моему мнению, несколько упрощая, можно сказать, что ученый – это человек, обладающий гуманитарными, биологическими или физико-техническими знаниями, полученными другими людьми, который, присоединив к этим знаниям факты, добытые им самим в ходе исследования или путем мыслительных операций, чем-то похожих на работу запрограммированной кибернетической машины, создает новое знание.

Существуют некоторые другие важные понятия, такие, например, как организатор научных исследований, администратор-регулятор жизни научных коллективов и т.п. Эти понятия могут полностью или частично совпадать с понятием «ученый». Ю.В. Бромлей был хорошим организатором научной деятельности и хорошим ученым, о чем говорит не только число опубликованных им книг и статей, но и разнообразие их содержания, склонность к рассмотрению сложных теоретических и методологических вопросов.

В 1973 г. Ю.В. Бромлей опубликовал свою первую монографию по этнической проблематике – «Этнос и этнография» (М., 1973), которая имела установочный характер и потому заслуживает более внимательного рассмотрения. Она подразделялась на две части: «Этнос как динамическая система» и «Этнография как наука об этнических общностях». В первую часть входили главы: «О месте этноса в системе человеческих общностей (предварительные замечания)», «Этнос и этносоциальный организм», «Культура и ее этнические функции», «К вопросу об этнических аспектах психики», «Эндогамия как "стабилизатор" этноса. Этнос и популяция», «Опыт типологизации этнических общностей», «Этнические процессы». Вторую часть составили главы: «Некоторые традиции науки о народах», «К вопросу об объекте и предмете этнографических исследований», «Размежевание и кооперация этнографии с другими научными дисциплинами при изучении основных компонентов этноса», «Этнографическое изучение прошлого и современности. Этнография, история и социология», «Роль демографии, антропологии и географии в изучении этнических общностей».

В этой монографии, заслуженно удостоенной академической премии имени Н.Н. Миклухо-Маклая, были всесторонне рассмотрены задачи этнографии как науки о народах (этнусах) мира, проанализированы ее традиции, соотношение этнографии со смежными науками: историей, археологией, социологией, фольклористикой, антропологией и др. Ю.В. Бромлей уделил большое внимание вопросу о том, как понимать этнос в узком и широком смысле, иерархичности этнических общностей и их типологизации, введя с этой целью новое понятие — «этникос».

Учитывая малые результаты проведенной к тому времени журналом «Вопросы истории» дискуссии вокруг понятия «нация» как современного типа этнической общности, Ю.В. Бромлей обошел эту проблематику стороной. Основным пафосом его монографии заключался в том, чтобы не только приблизить этнографию к современности, но и увязать этнографические исследования с решением ее актуальных вопросов. Это могло быть достигнуто путем сближения этнографии с социологией, что реализовалось в создании в институте сектора этнической социологии и развертывании этносоциологических исследований в Татарской АССР, а затем в других регионах страны. Позже сближение этнографии с прогрессирующей экологией человека привело к возникновению этнической экологии и созданию в 1981 г. в институте сектора с таким названием. Еще один путь модернизации этнографии заключался в повороте исследования этнографических явлений от статике к динамике, т.е. в развертывании исследований этнических процессов в СССР и иных странах мира, что стало главной темой в работе региональных секторов института. Созданный под руководством Ю.В. Бромлея и при его участии (в соавторстве со мной) фундаментальный труд «Современные этнические процессы в СССР» (М., 1975; 2-е изд. 1977 г.) был удостоен Государственной премии СССР. Сближение этнографии с географией выразилось в создании 20-томной серии «Страны и народы» (1978–1985 гг.), редакционный совет которой возглавил Ю.В. Бромлей. Этот коллективный труд был также удостоен Государственной премии СССР, и Ю.В. Бромлей стал, таким образом, дважды лауреатом этой премии.

В 1981 г. вышла из печати монография Ю.В. Бромлея «Современные проблемы этнографии. Очерки теории и истории», во многом перекликавшаяся с книгой «Этнос и этнография». Новая книга состояла из шести разделов: «К характеристике исследовательских объектов этнографии», «Предмет этнографической науки и ее современное состояние», «Опыт этнографического изучения архаических общественных форм», «Традиционная культура в этнографии», «Этнические процессы: узловыe вопросы этнографического изучения», «Об этнографическом изучении современности (вместо заключения)». В этой работе рассматривались проблемы, которые не поднимались в предыдущей. Так, в ней содержались подразделы, например, о народной медицине как предмете этнографии, об этнических аспектах экологии человечества, но в целом она больше напоминает тематический сборник статей, нежели монографию. Раздел «Опыт изучения архаических общественных форм» не относится к «современным проблемам этнографии», подраздел «Комплексное изучение традиционной культуры Карпат» представляется вставкой локальной значимости, раздел «К изучению генезиса народностей» оказался слабым вследствие нечеткого понимания термина «народность», что показала прошедшая вскоре дискуссия на страницах журнала «Советская этнография», и т.п.

На подаренном мне экземпляре книги «Современные проблемы этнографии» Ю.В. Бромлей написал: «Дорогому Виктору Ивановичу на добрую память о нашем сотрудничестве в том числе по этнической проблематике». Что он имел в виду кроме «этнической проблематики», мне было не вполне ясно, вероятно, мое участие в составлении им разного рода «записок» в так называемые директивные органы, преимущественно в ЦК КПСС. Помнится, при этом у нас были более горячие споры, чем при обсуждении этнографических проблем. Мне как человеку беспартийному представлялось необходимым объективное освещение этнополитической ситуации в стране, выявлявшихся недостатков нашей национальной политики. Ему как человеку,

знакомому с партийной этикой еще в период работы в Отделении истории, представлялось более надежным некоторое приукрашивание действительности. Однажды при подготовке материалов к какому-то съезду партии мне удалось убедить его сохранить сведения о фактическом неравенстве национальностей и назревавших конфликтах, но перед отправкой подготовленной «записки» в аппарат ЦК он показал ее члену ЦК КПСС вице-президенту АН СССР акад. П.Н. Федосееву. Тот, как рассказал мне позже Ю.В. Бромлей, бегло ознакомившись с содержанием «записки», сухо поблагодарил его и запер «записку» в свой сейф как неблагонадежную.

Покладистость характера Ю.В. Бромлея в сочетании с его большой трудоспособностью приводила к тому, что с течением времени он «обрастал» все большим числом научных и общественных нагрузок. С 1976 г. он занимал пост заместителя Главного ученого секретаря Президиума АН СССР, а еще ранее – с 1969 г. – он стал председателем Научного совета по национальным проблемам при Секции общественных наук Президиума АН СССР. В этот Совет входили специалисты из разных академических институтов, занимающиеся проблемами национально-государственного устройства, развития экономики, динамики социальной структуры, языков и культур народов СССР и зарубежных стран. Деятельность совета постепенно расширялась, в него вошли сотрудники некоторых министерств и ведомств, так или иначе связанных с решением национальных проблем в СССР (в 1987 г. совет получил статус межведомственного). Для обсуждения наиболее острых проблем этнических отношений, о которых в доперестроечный период не было принято сообщать в средствах массовой информации, регулярно проводились заседания Бюро Совета, нередко с жаркими дебатами, умело регулируемые Ю.В. Бромлеем. Под эгидой Межведомственного совета по изучению национальных процессов в Москве и столицах республик проводились всесоюзные конференции, материалы которых публиковались в отдельных сборниках; последняя из таких конференций под руководством Ю.В. Бромлея была проведена в 1987 г. в Ташкенте и ознаменовала собой начало перестройки в общественных науках.

Научно-организационные способности Ю.В. Бромлея проявились и на других общественных и научных постах. Он возглавлял Секцию по общественным наукам Научно-издательского совета АН СССР, был вице-президентом Международного союза антропологов и этнографов и Европейского общества этнологов и фольклористов, членом исполкома Всемирной организации научных работников и членом Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР. Составители его некролога насчитали 60 общественных нагрузок, которые Ю.В. Бромлей добросовестно нес буквально до последнего дня. За свою деятельность он был награжден орденами Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции.

К сожалению, как говорил Козьма Прутков, никто не может объять необъятного, и обширная научно-организационная и общественная деятельность Ю.В. Бромлея в 1980-е годы стала неблагоприятно сказываться на его научном творчестве, утрачивавшем прежнюю глубину и оригинальность. «Я стал работать больше ножницами, чем пером», – признавался он мне. Этот факт со всей очевидностью сказался на его третьей этнографической книге «Очерки теории этноса» (М., 1983), состоящей из трех частей: «Общая характеристика этнических систем», «Основные компоненты этноса. Их структура, функции и среда», «Главные этапы этносоциальной истории человечества». В первых двух частях систематическое изложение теории этноса было сведено к набору «очерков», фигурировавших в виде разделов его предыдущих книг с сохранением имевшихся там неточностей. Так, основным признаком этноса, отличавшим его от других человеческих общностей, Ю.В. Бромлей по-прежнему считал устойчивость этноса во времени; в число компонент этноса не были включены язык и территория расселения, но среди них фигурировали «этнические черты психики» и т.д. В третьей части автор сконцентрировал внимание на развитии этносоциальных процессов от первобытной формации до «мира социализма». Замена понятия «этнические процессы» на «этносоциальные процессы» сопровождалась заменой понятия «этнос» на «этносоциальный организм» (ЭСО), что привело к необоснованному уменьшению социального

содержания и значения центрального понятия «этнос». Это несколько ослабило позицию Ю.В. Бромлея в его длительном споре с проф. Л.Н. Гумилевым, предложившим биолого-географическую концепцию этноса.

Должен сказать, что в 1980-е годы мое творческое сотрудничество с Ю.В. Бромлеем ослабло, так как основную часть времени мне пришлось уделять сектору этнической экологии, работавшему над уникальной проблематикой исследования феномена долгожительства у абхазов и других народов Закавказья. В конце 1980-х годов вышла в свет большая коллективная монография «Этнические процессы в современном мире» (М., 1987), первая методологическая глава которой («Этносы и этнические процессы как предмет исследованная») была написана нами в соавторстве. В соавторстве написана и одна из глав новой монографии Ю.В. Бромлея «Этносоциальные процессы: теория, история, современность» (М., 1987).

В начале 1989 г. Ю.В. Бромлей по его просьбе был освобожден от обязанностей директора Института этнографии АН СССР. Но и в качестве почетного директора он продолжал свою активную научную и научно-организационную деятельность. Продолжалось его участие в составлении и разработке совместно с учеными ГДР «Свода этнографических понятий и терминов» (общая редакция Ю.В. Бромлея и проф. Г. Штробах). Первые три выпуска этого коллективного труда вышли еще при жизни Ю.В. Бромлея (в 1986 г. – «Социально-экономические отношения и соционормативная культура», в 1988 г. – «Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы», в 1989 г. – «Материальная культура»). Последние три издания (в 1991 г. «Народные знания. Фольклор. Народное искусство», в 1993 г. «Религиозные верования», в 1995 г. «Этнические и этно-социальные категории») увидели свет уже после его кончины. Работа над «Сводом» в результате этого была, к сожалению, прекращена.

В 1990 г. Ю.В. Бромлей в соавторстве с историком-литератором Р.Подольным завершил большую научно-популярную книгу «Человечество – это народы», написанную к печати вскоре после его кончины. Уже будучи тяжело больным, он продолжал работать над новой книгой – «Этнический феномен», оставшейся в черновых вариантах.

Светлый образ акад. Ю.В. Бромлея, демократичного и доброго человека, одного из крупнейших историков и этнографов нашего времени, считающегося создателем современной советской школы этнологической науки, навсегда останется в сердцах тех, кому удалось общаться с ним. Каждый может выделить при этом какой-то особый штрих его характера. Лично для меня – это армейское чувство товарищества. Помню, как я, оказавшись с ним и его супругой в Лондоне во время командировки 1978 г., был поселен в маленькой гостинице возле моста Ватерлоо на одном этаже с ними. Вскоре я обнаружил, что в моем крохотном номере нельзя пользоваться кипятивником. В номере же Бромлеев такая возможность была, и директор по утрам в пижаме, пока его супруга нежилась в постели, без особых просьб с моей стороны приносил мне кружку кипятка для завтрака и бритья... Такое не забывается!

V. I. K o z l o v. Academician Yulian Vladimirovich Bromley: a scholar and a person

The article presents the author's recollections of his working together with Bromley at the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences, of some scientific works of the scholar and of some personal traits of character of Academician Bromley.